

НЕБО ПРИМЕТ ЛУЧШИХ

НАЧАЛО ПУТИ

Ирина Сон

18+

Ирина Сон
Небо примет лучших
Серия «Сказания о
магии Поднебесной»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70310431
Небо примет лучших : [роман] / Ирина Сон: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-159541-8

Аннотация

Раб. Наложник. Любимая игрушка и главный источник дохода императорской врачевательницы. Подобная участь не может показаться сладкой тому, кто вырос аристократом в окружении собственных слуг. А путь вверх из этого унижения к званию жреца, избранного Небесами, кажется невыносимым. Однако...

Октай не разучивал заклинаний. Не повергал могучих демонов. Он с трудом держал в руках меч. Но всегда верил, что главный ключ к успеху – это вежливый разговор. Очень вежливый.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	27
Глава 3	44
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ирина Сон

Небо примет лучших

Начало пути

© И. Сон, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Серийное оформление – Карки

Иллюстрация на обложке – Карки

*** * ***

Пролог

Когда я был ребёнком, будущее в моих мечтах представляло безоблачным и радужным.

Я видел себя то заклинателем прославленной школы, повергающим нечисть в ужас одним взмахом рукава, то великим лекарем Долины Горечавки, который одним снадобьем излечивает тысячу болезней, то философом и поэтом, чьи книги переживают века и народы.

Пожалуй, меня не привлекало лишь семейное дело. Да, я был очарован мечом отца, полученным от императора Алтана за победу в войне с южными кочевниками. Но хоть генеральская форма казалась мне самой красивой в мире, поле боя не выглядело желанным местом. Наверное, из-за отца. Он не скрывал от меня ужасов войны и частенько брал с собой на границу, где я разговаривал с солдатами и видел, как искалечила их война. Нет, я не хотел быть воителем.

А вот дворец... Роскошь и улыбки императорской четы, самые лучшие наряды, самые лучшие лекари... Да кто в детстве не мечтал служить во дворце Сына Неба? Кто не мечтал получить в награду меч из рук самого императора?

Отец поощрял и пестовал мои мечты, как только мог. Да, как сын генерала я обучался фехтованию и прочим военным премудростям, но также в моём распоряжении были самые лучшие учителя и самые известные книги по всем наукам.

Но сколь ярко и быстро вспыхивали мои мечты, столь же стремительно они гасли. Для пути бессмертного заклинателя я оказался слишком ленив, для целителя – слишком брезглив. Ни одна наука или дело не были освоены мной основательно. Всё в итоге упиралось лишь в одно желание – войти в императорский двор. Неважно кем.

Верно говорят, бойтесь своих желаний – они исполняются. Я мечтал о дворцовой роскоши и любви императорской семьи? Теперь вкушаю и то, и другое большой ложкой. Золотой и с камушками.

Вот уже десять лет я живу в собственных покоях в императорском дворце. В моём распоряжении самые роскошные наряды и самая вкусная еда. Моя свита насчитывает полный десяток слуг, и за право войти в неё дерутся все евнухи, ведь я исключительно вежлив и щедр со своей прислугой. И неважно, что моя роль совсем не такая, о которой можно говорить в приличном обществе. Ведь все эти годы меня одаривала своей благосклонностью сама тётушка императора, госпожа Сайна.

Прямо-таки яро одаривала. Одаривала и нахваливала. Нахваливала и одаривала. Без передышки, с того дня, как мне исполнилось пятнадцать и дворцовые наставники признали меня пригодным для службы. До сих пор дыхание перехватывает. От восхищения милостью госпожи Сайны и осознания великой чести, которую мне оказала императорская чета, разумеется.

Да...

Раб. Наложник. Сын предателя.

Изначально меня ждала совсем другая, жестокая и страшная судьба. Другие предатели гниют на тяжёлых работах, а я вкусно ем и сладко сплю. Почему меня выделила сама госпожа Сайна?

Как сказали лекари, мой источник жизненных сил сильнее всех тех, которые были в распоряжении императорской семьи до моего появления при дворе. Я человек, способный своими жизненными силами приводить расшатанные энергии других людей к балансу, то есть – лекарство, дорогое и очень приятное. Для меня даже отдельную должность изобрели – «господин Гармонии». Как господину Гармонии мне полагается отдельный двор, но разрешено выходить лишь в некоторые места и по особым случаям. Общение с посторонними – это не для господина Гармонии. Все его мысли должны быть направлены лишь на благополучие одной персоны – так энергия лучше передаётся. По крайней мере, это утверждала моя госпожа, а я, разумеется, верил ей всей душой. Каждый день верил. С утра и до вечера. Усердно.

Ещё во время обучения я усвоил, что моя госпожа прекрасна, добра, великодушна. Нет такой добродетели, которой она бы не была одарена. Именно благодаря ей мне выпала неслыханная милость. И всё, что от меня требовали взамен – быть радостью.

Я был радостью, буду радостью и умру радостью.

Стоит ли говорить, что это случится совсем скоро?

Глава 1

Приказ

По голове скользнула шпилька, царапнув кожу, – и я поморщился.

– Белый вам очень к лицу, господин Гармонии, – прошебетал Нохой своим звонким подростковым голосом. Пухлые руки евнуха порхали над моей головой, поправляли причёску и белую стеклянную лилию.

– Да, – согласился я, рассматривая результат долгого труда в бронзовом зеркале. – Пожалуй.

Лилия хорошо подчёркивала как глубокую черноту волос, так и молочную кожу. Изумрудные шелка, украшения, лёгкая улыбка на лице... Я походил на дорогую фарфоровую куклу.

Такой же блестящий снаружи и пустой внутри.

Нохой за моим плечом с удовольствием разглядывал свою работу. Как и все евнухи, он не утратил юношеских черт. Возраст выдавала лишь нездоровая рыхлость. Пока Нохой колдовал над моими волосами, слуги трижды зажигали благовония, и на последней палочке половина меток из тридцати уже истлела¹. Каждый уголок покоев тонул в густом тра-

¹ Палочка благовоний – единица измерения времени. Одна палочка горит приблизительно тридцать минут.

вяном аромате.

– Вы прекрасно выглядите, господин Гармонии, – улыбнулся Нохой.

– Благодаря твоим стараниям, – я растянул губы шире и поднялся. На пробу повертел головой.

Причёска была тяжеловатой, но все заколки и шпильки сидели надёжно. В следующий раз нужно будет сказать Нохой, чтобы так не старался – госпожа имела обыкновение распускать мои волосы и любила выдёргивать всю эту красоту парой движений. Резких движений.

Я всё-таки ослабил несколько невидимок и пошел к выходу. Господин Гармонии был безупречен, приветлив и готов к ночи со своей любимой госпожой.

– Нохой, к моему возвращению приготовь купальню и розовую воду, будь так любезен.

– Всё будет исполнено, – ответил евнух и поклонился. Из-за внушительного живота это получилось с трудом.

Дворец был большим, в нём, наверное, мог бы уместиться город. Но куда бы я ни устремлял взгляд, всюду меня окружали сосновые колонны, черепичные изогнутые крыши и глиняные стены. Стены отделяли мужчин от женщин, императорский двор от чиновничьего, сады от домов. Лишь круглые арки позволяли проникнуть из одного двора в другой. За десять лет мне так и не удалось узнать, за какой стеной начинался внешний мир. Куда бы ни ступала моя нога – всюду был дворец. Впрочем, мне никогда не удавалось обойти его

– должность не позволяла. Если я не смогу получить прощения и искупить вину отца, то даже после смерти мне не выйти за стены – у наложников здесь своё место для погребения.

Искупление. Я жил этой надеждой уже десять лет, слыша из уст госпожи «если сможешь сделать это, однажды я прощу». И лез из кожи вон, чтобы угодить, быть счастливым, занимая свою должность, но... Но всё равно иногда мечтал о пожаре. Чтобы весь мой двор сгорел дотла, чтобы всё пылало ярким алым пламенем, чтобы в гуле и рёве кричали люди и комнаты окутывал удушливый чёрный дым с запахом горелого мяса... Чтобы меня переселили куда-нибудь подальше, чтобы путь от моего двора до двора госпожи длился дольше, чем осушалась чашка чая². Разумеется, исключительно из-за того, что мне с детства нравились прогулки на свежем воздухе.

Госпожа Сайна ждала за чайным столиком и, судя по многочисленным вазочкам из-под сладостей, времени зря не теряла. Увидев меня, она разулыбалась, показывая острые зубы, и густой слой белил, не выдержав натиска, осыпался с её лица. Стала различима неровная кожа со следами язвочек.

Я в десятитысячный раз напомнил себе, что моя госпожа безупречна, словно цветущая слива.

– Моя прекрасная госпожа, – поклонился я и, когда слуги, повиновавшись капризному жесту, ушли, выдохнул: – Сайна...

² Чашка чая – единица времени, в которой около 10–15 минут.

– Октай, мой любимый цветок! – воскликнула госпожа Сайна и взмахом руки пригласила за столик. – К сладостям ты не успел, но можешь насладиться чаем!

И под моим взглядом она отправила в рот последнее печенье. А оно было с малиновым вареньем. Я любил малиновое варенье – только оно обладало настолько душистым ароматом, что почти перебивало запах гнили, идущий изо рта главной врачевательницы.

Я сел рядом и опустил глаза в чашку. Моя госпожа лучше всех. У меня замечательная, умная, щедрая... Какая она ещё?

– Вы, как всегда, невероятно добры, госпожа Сайна.

Госпожа Сайна улыбнулась и пересела ко мне поближе.

– Что, я всегда была добра? Даже когда приказала побить тебя палками на прошлой неделе? – кокетливо выдохнула она.

Запах гнили и гвоздики стал крепче. Острые длинные ногти, больше похожие на когти, пробежались по моей груди и нырнули под одежды. Я отставил чашку – та была сделана из тонкого расписного фарфора и грозила разбиться от любого неловкого движения. Мне было бы жаль. Её, разумеется, а не свою спину. Моя спина заживала, а вот ласточки на чашке не зажили бы.

– Конечно, ведь я провинился перед вами – разбил вашу любимую статуэтку, – я перехватил руку, которая уже нацелилась в волосы, и поцеловал костяшки пальцев. – Вы, Сай-

на, самая потрясающая женщина во всей империи.

— Ты льстец. Когда я тебя освобожу, так и напишу в вольной, — хмыкнула госпожа Сайна и отошла к кровати. — Погаси свет.

Сердце дрогнуло и мерно застучало: «Когда, а не если. Когда, а не если». Оно бы пело, но у него уже почти не оставалось сил.

Я потушил свечи и пошёл к госпоже, по пути избавляясь от одежды.

В покоях пахло гвоздикой. Я всей душой ненавидел этот запах.

Всё закончилось глубокой ночью, когда уже выпала роса. Отвернув голову в сторону, чтобы не чуют зловоние, я подождал, когда дыхание госпожи станет ровным и глубоким, а хватка ослабнет, осторожно перевернул лёгкое тело набок и сел. Её руки тут же зашарили по постели, норовя схватить меня за волосы, но успокоились, получив подушку. Госпожа прижала её к своей груди и засопела. Роскошный парик сполз набок, показалась изъеденная плешью голова.

Я подобрал свои вещи, набросил на плечи верхнее одеяние, забыв про остальное, небрежно повязал пояс и выскользнул из покоев на террасу. Разумеется, я вовсе не сбегал, госпожа не могла быть мне противна. Просто таковы были правила — невольники и рабы, даже фавориты, не могли спать в господских постелях. На это имели право лишь супруги.

Ночь ударила в лицо свежестью и прохладой так, что на мгновение закружилась голова. Я опёрся о стену и долго дышал, прогоняя запах гвоздики и тяжёлых ароматических масел. Но те не исчезли, только притупились. Моя кожа, мои волосы, моя одежда – всё источало зловоние. Царапины на спине чуть пощипывало от прикосновения к шёлку, и мне казалось, что даже кровь пропахла госпожой. Но, разумеется, этого быть не могло.

Я отдышался и, оттолкнувшись от стены, подошёл к Нохю. Тот где-то раздобыл циновку и сладко похрапывал в углу террасы, видя десятый сон – лишь нос торчал наружу из-под шали. От прикосновения к плечу евнух вскинулся и сел, хлопая глазами.

– Я не сплю! Не сплю... Госпожа вас уже отпустила?

– Да, – я протянул ему ворох одежд. – Будь добр, отправь это в стирку с утра.

– Хорошо, – Нохой забрал одежду и хлопнул глазами, проснувшись. – Вы что же, пойдёте к себе в таком виде?

Я пожал плечами. Мне было всё равно, кто мог меня увидеть. Стражники давным-давно всё рассмотрели – спасибо госпоже за наказания и вразумления.

– Ночь же.

Нохой укоризненно покачал головой и потянулся к моему халату: завернул по самое горло, крепко перевязал пояс.

– Хоть так. Я вас провожу.

Я безразлично кивнул, и мы вернулись во двор господина

Гармонии. Евнух сразу направился к себе. Я же, несмотря на смертельную усталость, сначала зашёл в купальню.

Розовая вода в бочке уже остыла, но её аромат всё ещё витал в воздухе и успокаивал. Я долго-долго тёр себя мочалкой с мыльным корнем, пока кожа не покраснела, а волосы не стали скрипеть, а потом сидел в бочке, отмокая и обрабатывая царапины на лопатках. Вода помогла: избавила от зловонных миазмов, очистила тело. Обычно очищение помогало и душе, но на этот раз проверенный способ подвёл – пустота никак не проходила, только расширялась. Последний приказ госпожи, отданный перед сном, задел самое важное и беззащитное, что было во мне – надежду.

Я закрыл глаза, окунулся в воду с головой, но слова всё звучали и звучали в ушах.

«Наследный принц Чан достиг возраста зрелости, но совсем не интересуется наложницами. Я полагаю, у него недостаток ян. Завтра ночью ты отправишься к нему и поправишь баланс его энергий. Справишься – и я скажу императору, что ты всё искупил», – сказала госпожа.

О принце я знал лишь то, что он возник внезапно, словно из ниоткуда. Совсем недавно путь к трону принцу Чану преграждали шесть старших братьев, но месяц назад они погибли. Император отправил их в Западную провинцию, в тихий город Янган по делам. Возможно, это был гнев демона, возможно, гнев богов, но в одночасье земля под Янганом с грохотом разверзлась, гора выплюнула потоки огня – и весь го-

род рухнул в разлом и был погребён под толстым слоем застывшей лавы. Заклинатели смогли спасти лишь некоторых людей с окраин. Все шестеро принцев погибли вместе с горожанами. Император был вне себя от горя. Поговаривали, что он тронулся умом, ведь потерять в преклонном возрасте всех сыновей, оказаться в ситуации, когда самый последний стражник знает о бессилии императора – это было страшно для всего народа Поднебесной. Династия сына Неба рисковала прерваться, и это ужасало всех. Я сам полагал, что у императора Алтана остались лишь дочери. Но семь дней назад срок траура вышел – и во дворце появился принц Чан.

Вынырнув, я ударил по воде. Брызги и лепестки полетели на пол.

Хотелось закричать, громко, во всё горло. Да, я десять лет был невольником, наложником и рабом. Меня обучали два года перед тем, как пустить в постель к госпоже, и я до последнего момента не знал, будет это она или кто-то другой. Да, госпожа порой делилась мной с вдовствующими подругами. Все они были мной довольны, осыпали подарками и всяческими милостями. С этим я кое-как свыкся. Пришлось нарастить броню, спрятаться под манерами, вцепиться в надежду на прощение. Ещё раз забыть о том, что в моих жилах течет древняя воинская кровь. В конце концов, представители моего рода никогда не жаловались на отсутствие поклонниц.

Но чтобы лечь в постель к принцу? К мужчине?! Даже ра-

ди искупления – от одной мысли воротило! Почему сейчас? Почему я? Вызвали бы целителей из Долины Горечавки – и дело с концом!

Или... Или это потому что принц сам так пожелал?

От последней мысли стало совсем тошно. Если у принца Чана интерес... Нет, разумеется, внимание принца – великая честь для такого ничтожного раба, но... Да чего я тут стараюсь? Искупление отцовского позора такой ценой – да все предки в потустороннем мире будут поливать меня насмешками тысячу лет!

Я вздохнул и потёр лицо, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями.

Быть может, у принца и правда проблемы с развитием, и моя помощь ему необходима? Я же не просто раб, а господин Гармонии. Зачем звать заклинателей из Долины Горечавки, когда под рукой есть такая замечательная вещь? Ну и что, что император Алтан мог быть против моего участия? Его родная тётушка не просто тётушка – она главная врачевательница, старшая над всеми лекарями дворца. Как она велит лечить – так и будут лечить, и неважно, что думают другие.

Особенно неважно, если дело касается меня. Вдвойне неважно, если приказ ломает всю мою сущность. В конце концов, это любимое развлечение госпожи – толкнуть меня за черту и любоваться на агонию. И раз этот приказ обещает стать последним... Что ж, это в её духе. Мне же не остаёт-

ся ничего другого, как повиноваться. Впервые появилась не просто надежда – это был шанс на свободу и обеление имени рода. Как ни ужасала меня цена, я был обязан заплатить.

Я закончил с омовением, расчесал волосы, уложив их в косу, посмотрел на себя в зеркало. Огонёк свечи плясал на полированной бронзе, делал моё отражение старше, строже, суровее. Словно грань между мирами стёрлась, и из зазеркалья на меня посмотрел отец. Я невольно вскинул подбородок и выдохнул. Губы зашевелились, выговаривая слова древней присяги:

– Я преданность. Для меня нет добра и зла. Нет сомнений и чувств. За меня чувствует моя госпожа. За меня думает моя госпожа. Для меня есть лишь приказ. Моя преданность выше всего, даже любви и разума. Она достигнет Неба, и Небо примет лучшего слугу.

Конечно, в присяге говорилось не о госпоже, а об императоре, но, даже переименованная, она помогала все эти годы идти по пути искупления. Однако сегодня что-то пошло не так. Растревоженные чувства никак не хотели подчиняться.

Оставив попытки успокоиться, я направился к кровати. Пришло время отдыха. Пора было лечь и забыться сном, отбросив переживания и пустые мысли. Узнать подробности и причины такого приказа за один день я, конечно, не успевал. Но поговорить со слугами о принце Чане мне никто не запретит, а там... Там будет свобода.

Утро наступило, пожалуй, слишком быстро. Мне показав-

лось, что я едва сомкнул глаза, как взошло солнце и Нохой разбудил меня стуком в дверь.

– Господин Октай, пора вставать!

Я промычал что-то невразумительное, кажется, отказ, но евнух уже вошёл в покои, а вместе с ним и слуги. Передо мной тут же заструилась вода для умывания, на столике в углу возник завтрак, а волос коснулся гребень. Я вздохнул и взял дело в свои руки:

– Юн и Джи, чай, пожалуйста, подайте сюда. Бай, приготовьте синее одеяние. Нохой, у меня сегодня ночь. Нужно подготовить купальню и наряд.

Юн с поклоном подал мне чай, спрятав презрительный взгляд под веками. Да, ложись я в постель одной лишь госпожи, он смотрел бы совсем иначе. Всё же наложник – обязанность в какой-то мере почётная. Но я, к сожалению, был из тех, кого все втоптывали в грязь. Госпожа Сайна и втоптывала – делилась мной со вдовыми подругами. У меня вообще были слуги лишь благодаря дару. Поначалу необходимость служить сыну предателя невероятно раздражала людей. От открытого пренебрежения их удерживала лишь моя должность. Уважение я зарабатывал долго и в итоге заработал, но вот от таких взглядов, вызывающих гадливое чувство собственной никчёмности, избавиться не смог.

Я кивнул слуге и сделал глоток чая, продолжая говорить:

– Благодарю, Юн. Джи, ты знаешь, что нужно. Но это всё после обеда. После завтрака у меня занятия. Подготовь на-

бор для каллиграфии и жуань.

– Господин Гармонии, я настаиваю на том, чтобы... – начал Джи.

Я, не поднимая головы, метнул на него взгляд – и слуга замолчал.

– Как источник жизненных сил господин Гармонии обязан следить за своим телесным и духовным развитием, дабы быть как можно более приятным лекарством для господ, – скучным голосом процитировал Нохой.

– Вот именно, – удовлетворённо кивнул я. – И не просто источник жизненных сил, а источник радости, покоя и гармонии. Всё, что я делаю, направлено на сохранение и обогащение этого источника, и в первую очередь для нашей госпожи Сайны. Да хранят её Небеса!

Мне потребовалось время, чтобы донести простую мысль: если довольна госпожа, то счастливы и слуги. Господин Гармонии – прямой и главный источник её довольства и радости. Он не постесняется – расскажет о тех, кто мешает исполнять ему его прямые обязанности. А там в дело вступит госпожа, очень любящая наказывать нерадивых слуг. Как показала практика, десяток плетей учит лучше тысячи слов.

Хотя порой некоторые, как Джи, например, пытались высунуться. Но Джи – младший слуга. Он ни на что не влиял. Плохо было, когда указывали старшие евнухи. Вот кто обладал всеми полномочиями, чтобы испортить мне жизнь, прикрываясь заботой. Нохой был далеко не первым старшим

евнухом, приставленным ко мне, но первым, кто не пренебрегал своими обязанностями и не злоупотреблял положением, прекрасно знакомый с судьбой предшественников. Не то чтобы она была совсем незавидной... Но десяток плетей есть десяток плетей. Да и расставание с хорошей должностью тоже било больно.

– Не будем терять времени, – я примирительно улыбнулся. – Пока я завтракаю, займитесь подготовкой к ночи. Я должен выглядеть достойным принца.

Я сделал вид, что осёкся, тяжело вздохнул и позволил тени набежать на моё лицо. Ровно настолько, чтобы её заметили все.

– Принца? – Нохой, уже взявший в руки гребень, положил его на столик. – Вы идете к принцу Чану?

Я неохотно кивнул.

Слуги переглянулись между собой, посмотрели на меня, и в их глазах проступила жалость.

– Вы что-то знаете о наследном принце? – насторожился я.

Все помотали головами.

– По какой-то причине он жил в Старом дворце вместе со своей матерью. Кажется, император Алтан изгнал её, – Нохой посчитал на пальцах и после напряжённого раздумья добавил: – Принцу Чану сейчас должно быть около пятнадцати лет.

Пятнадцать лет? Это было несколько рано для того, чтобы

беспокоиться о зрелости и наложницах. В душе, и так неспокойной, заворочались недобрые предчувствия.

– Прощу, Нохой, – я мягко улыбнулся, – разужнай о принце Чане.

И подкрепил свою просьбу несколькими монетами.

Евнух с готовностью покивал, спрятал монетки и запорхал вокруг, подбирая наряд для занятий.

А первым шло занятие по музыке, игра на жуане³. Учителя у меня давно не было – наставники дали мне всё, что могли, поэтому я разучивал пьесы сам. После музыки пришло время каллиграфии и поэзии: я оформлял шёлковый свиток в подарок для госпожи Сайны. Затем, пока солнце не вошло в зенит, я отправился на прогулку. Меня сопровождали слуги, прикрывая зонтом, чтобы солнце не опалило мою кожу. Я прошёл в сад, где долго стоял у пруда и всматривался в его воды в поисках разноцветных рыб. В голову лезли детские воспоминания о путешествиях по пограничным крепостям. По сравнению с Южным морем, пруд казался мне крохотной лужей, рядом с которой росли чахлые деревца. Если бы отец не предал императорскую семью, я бы сейчас сторожил южные границы, управлял родным городом, торговал бы с кочевниками...

Несбыточное бредило душу. Тревога всё не оставляла, как я ни старался её приглушить. А может, это манила сво-

³ Жуань – струнный инструмент, который напоминает балалайку, но круглой формы.

бода, оказавшаяся на расстоянии вытянутой руки?

А после пришло время обеда.

Нохой пришёл, едва я взял палочки:

– Господин Гармонии, я бы хотел поговорить с вами наедине.

– Да, конечно, Нохой, я тебя слушаю, – я взмахом руки отослал слуг.

– Я хотел предупредить. Это о принце Чане. Он... Он... – Нохой замялся, кусая губы. В его глазах стояла тревога.

Я отложил палочки и указал на место рядом с собой.

– Мы одни, Нохой, присядь и угостись. Вот, возьми эту булочку. Она восхитительна.

Поколебавшись, Нохой сел и принял угощение.

– А теперь рассказывай, – велел я, дождавшись, когда евнух прожует.

– Господин Гармонии, принц Чан – одиннадцатый ребенок императора Алтана. Но сразу после рождения выяснилось, что его мать имела долгую связь с одним из низших чиновников. И принц мог вовсе не быть принцем, – Нохой перевёл дух и запил булочку водой. – Лекари долго пытались высмотреть родовые признаки, но даже госпожа Сайна не смогла дать уверенного ответа. Младенцы все похожи друг на друга. Потому принца вместе с кормилицей отправили в Старый Дворец. Император дал ему имя, но не внёс в список наследников и стал ждать взросления ребенка – времени, когда его родовые черты проявятся лучше.

– В конце концов, о нём забыли, – кивнул я. – И если его всё-таки переселили из Старого Дворца сейчас, значит, черты императорского рода в нём всё же проявились. Благодарю тебя, Нохой.

– Это ещё не всё. По дворцу ходят тревожные слухи. Говорят, наследный принц Чан... – Нохой отвёл взгляд, – как бы это сказать... любит причинять боль. Он бьёт охотничьих псов. А в последнее время скандалит с учителями. Говорят, в Старом Дворце он лично заporол подаренную наложницу до смерти. Император очень недоволен его поведением. А вы... Вас отправили к принцу, чтобы он... как бы это сказать...

– Зачерпнул у меня энергии, чтобы наконец-то войти в гармонию и дать выход всем своим потаённым страстям? – подсказал я и обречённо вздохнул, когда Нохой кивнул. – Я что-то такое подозревал. Не просто же так меня направили к нему... Что ж, благодарю за службу, Нохой.

Я поднялся – ноги вдруг перестали разгибаться, – вытащил из ящика то небольшое, что сумел скопить, и протянул мешочек евнуху.

– Раздели это между слугами, Нохой. Потом... Когда меня здесь не будет.

– Господин Октай! – ахнул Нохой.

– Не нужно, – я взмахом руки оборвал причитания. – Я знал, что рано или поздно всё кончится чем-то подобным. Я и так прожил гораздо дольше, чем полагается сыну предателя. Надеюсь, ты запомнишь меня. Если я когда-то ко-

го-то обидел, передай мои искренние извинения. А теперь иди. Оставь меня. После обеда я вас позову.

Глаза у Нохоя блестели, словно у побитого пса. Он принял мешочек с деньгами дрожащими руками, поклонился и выскочил. Дверь с шорохом встала на место, оставив меня наедине с тарелками.

В ушах стоял гул. Вот, оказывается, какое искупление подготовила госпожа – ценой будет не ночь с мужчиной, а моя жизнь! Наследный принц меня убьёт, замучает до смерти, как ту несчастную наложницу. Неужели это... всё? Всё закончится?

– Что ж, – я вздохнул и через силу улыбнулся. – Раз такое дело... очевидно, скоро моя душа будет... свободна.

Свободна... Всё кончится! Не будет больше ни чужих прикосновений, ни вонючей гвоздики, ни приказов, ни... Да ничего не будет! Моя душа наконец-то выпорхнет за пределы дворцовых стен. Я освобожусь, искуплю вину перед императорским родом! И Небо примет меня как лучшего слугу!

Неожиданно накатил аппетит, и я поел с таким наслаждением, какого давно не испытывал. Позвал слуг. Те вошли скорбные и грустные.

– Вы же знаете, к кому меня отправляют? Я хочу быть ослепительным! – с широкой улыбкой заявил я. – Раз уж я иду радовать самого наследника престола, сделайте меня достойным его! Покажите всё своё искусство!

Моё сияющее лицо выбило всех из колеи. Я прыснул и

рассмеялся — до того забавным был их вид.

— Господин Гармонии, вы переборщили с успокоительной настойкой? — довольно-таки осторожно спросил Нохой.

— Нет-нет, ничего такого! — я замахал рукавом и, не выдержав, закружился, раскинув руки. — Просто всё закончится! Закончится наконец-то! Понимаете, да? Ничего не будет! Что такое? Да хватит вам! Не надо этой жалости, прошу вас! Давайте, сделайте меня красавцем!

Слуги всё-таки вняли моему желанию и расстарались.

В покои наследного принца Чана я вошёл словно на праздник.

Глава 2

Принц

Принц Чан ожидал меня за накрытым столом. Он сидел прямо, чинно сложив руки на коленях, и сверлил нетронутые тарелки взглядом. Как и полагалось, в честь ночи он был одет лишь в сорочку, лёгкую и почти прозрачную, а волосы ему собрали в высокий пучок. Когда дверь за мной закрылась, мрачный взгляд сначала достался мне, а затем метнулся к ажурной ширме, которая скромно стояла в углу покоев. Судя по всему, именно за ней прятался императорский евнух, которому полагалось записывать ход... лечения.

На первый взгляд, да и на второй тоже, принц Чан не выглядел сгорающим от страсти любителем пыток. Скорее, как молоденький юноша, которого притащили на неприятную, но необходимую процедуру и велели потерпеть. Но внешность бывает обманчива.

Я поклонился, стараясь не думать о том, что передо мной сидел пятнадцатилетний мальчишка.

– Мой принц, меня зовут Октай. Я господин Гармонии, и мне поручили выправить вашу энергию ян.

Произнеся это, я выпрямился и застыл у порога. Никакой угрозы не ощущалось, но кто знает, какие демоны вылезут в следующую секунду из этой юной, облечённой властью го-

ЛОВЫ...

– Я знаю, – буркнул принц и вздохнул с такой душераздирающей тоской, что я на мгновение забыл обо всех страхах и просто его пожалел. – Садись. Тётушка говорила, нам сначала нужно поесть.

Он ещё раз мрачно взглянул на ширму, и у меня мелькнула мысль о том, что принц такой вежливый как раз из-за евнуха. Ведь тот задокументирует всё, что будет здесь происходить. Нохой, кажется, упоминал, что император не обрадовался убийству наложницы. Возможно, из-за этого принц опасался проявлять истинный нрав? Если так, то дворцовые правила наконец-то играли за меня, а не против.

Но отчего-то это вовсе не принесло облегчения. Наоборот – появилось чувство, что под ногами разверзлась бездна, а опорой стала кромка ножа.

Я направился к столу, почти чувствуя стопами тонкое и невыносимо острое лезвие, с поклоном сел и взял палочки. Такая небольшая пауза на лёгкий ужин делалась всегда: чтобы к господину Гармонии можно было немного привыкнуть, чтобы он соблазнял, узнавал, что нравится, а что нет. Но это обычно касалось вдов – зачастую молодых и красивых женщин, – а не пятнадцатилетних принцев!

Я устроился напротив и постарался отрешиться от всего и просто сделать свою работу. Каждое движение давалось с трудом, воздух словно загустел. Сердце в груди колотилось, в висках стучало.

Что ж, для начала посмотрим, настолько ли страшен принц, как рассказал Нохой, и выясним, что ему нравится. Мне, конечно, хотелось, чтобы время перестало тянуться так невыносимо долго и всё наконец случилось, но... Но от осознания близкого конца дышалось сладко, как никогда.

Я положил себе немного овощей, добавил осьминожки щупальца и потянулся к самому дальнему от нас соусу, придерживая рукав и позволяя мельком увидеть интимную часть тела – запястье с выступающей косточкой. Чаша стояла далеко. Сам бы я дотянулся, но ценой некоторых усилий, а вот для принца она была чуточку, но ближе...

Чан проследил за моей рукой, наклонился и подал соус.

Что ж, я мог себя поздравить. Принц оказался не совсем бессердечным и обладал определённой долей участия, ведь по этикету он имел полное право просто сидеть и смотреть. Но вот от вида моих запястий в его глазах вспыхнуло нечто, весьма похожее на любопытство.

Я взял осьминожье щупальце и бросил на принца быстрый оценивающий взгляд из-под ресниц. Принц Чан наблюдал за мной внимательно, не смущаясь. С интересом, но не совсем таким, к которому я привык.

– Ты не только источник жизненных сил, но и самый искусный среди наложников, да? – спросил он.

Я даже немного растерялся, не ожидая подобной прямоты. За ширмой послышался скрип пера. Принц метнул на неё ещё один мрачный взгляд и положил себе кальмаров.

– Я задал тебе вопрос, – напомнил он. – Отвечай.

– Простите, – опомнился я. – Я просто слегка растерялся.

Меня считают довольно искусным, это правда, но чтобы самым искусным... Мне сложно оценивать свои навыки.

Принц Чан наклонил голову набок. Жёлтый свет свечей и полумрак оставляли на его лице причудливый отпечаток, отчего пятнадцатилетний мальчик казался гораздо старше. Разговаривал он тихо, вполголоса, но в нём уже слышались низкие ноты – свидетельство взросления. Приложив определённые усилия, я мог бы представить, что сижу вовсе не с ребенком, а со взрослым юношей. Но прикладывать эти усилия мне не хотелось. А вот выйти и никогда больше здесь не появляться – безумно. И с каждым вздохом это желание крепло. Как и желание жить.

– Так сказала мне тётушка. Она сказала, ты самый лучший.

Не будь за плечами многолетних тренировок, я бы уронил еду себе на подол. Госпожа Сайна говорила обо мне как о самом лучшем наложнике? Учитывая, что в своё время она была невероятно сластолюбива и не пропускала ни одного красивого человека...

– Что ж, если так говорит моя госпожа, значит, так и есть, – ответил я с кроткой улыбкой.

Даже какая-то извращённая гордость взяла: горьковатая и истерически весёлая.

А принц продолжал жевать и рассматривать меня. От это-

го тщательного и вдумчивого взгляда хотелось спрятаться.

– До сегодняшнего дня я ещё ни с кем не был. Но раз ты самый лучший и всё-всё умеешь, значит, об этом можно не беспокоиться, – заявил принц Чан.

За ширмой раздался новый скрип пера, и принц осёкся.

– Как же раздражает! – выпалил он и с громким стуком уронил палочки на стол. – Эй ты там! Я тебя предупреждал, чтобы тебя не было ни видно, ни слышно?

– Мой принц, я следую вашей воле со всем старанием, однако заглушить звук пера мне не под силу, – с достоинством ответили ему. – Прошу, не обращайтесь внимания на ничтожного раба.

– Я сейчас этому ничтожному переломаю пальцы! – рявкнул принц Чан и кинулся за ширму.

Раздался звонкий шлепок оплеухи, обиженный вой. Гордо развернув плечи, принц Чан прошёл мимо меня. В одной руке он нёс перепачканную чернилами шапку евнуха, другой тащил евнуха за волосы. Тот семенил, согнувшись в три погибели и вереща извинения. Но принц был неумолим. Он вытолкнул евнуха за порог, от души наподдав ему по пятой точке, выкинул следом шапку, сломал ранее не замеченное мной перо и закрыл дверь, напоследок проорав:

– Пошёл вон!

– Но, мой принц, нам нужно записать ход вашей ночи! – жалобно ответили ему.

– Возьми кисточку! – рявкнул принц. Его голос предатель-

ски дал петуха, что разозлило Чана ещё больше. – Ищи где хочешь, но достань!

– Но где я сейчас достану кисточку? Они же есть только в библиотеке! Это очень далеко! – рыдал евнух. – Помилуйте, мой принц, меня же накажут!

– Твои проблемы! – ответил добрый ребёнок и закрыл дверь.

Я замер, когда в меня вонзился пышущий злобой взгляд. Удивительно, но эта ярость принесла мне некоторое облегчение – случилось то, к чему я готовился.

Принц Чан подлетел ко мне, схватил за ворот – я закрыл глаза и расслабился, готовясь испытать силу его кулаков. Губы распахнулись, глотая воздух. Сердце заколотилось. Во мне дрогнула каждая венка, каждая жилка, по которым неслась кровь – и каким же наслаждением было это чувствовать!

– Значит так, лучший наложник Октай, – медленно, чётко и едва слышно произнёс принц Чан мне на ухо. – Сейчас ты доедаешь всю эту еду, а потом идёшь в мой кабинет и до утра оттуда не выходишь. Когда тебя спросят, ты скажешь, что передача энергий состоялась успешно. Как именно – придумаешь сам. Уверен, опыта у тебя хватит. Всё понял?

Я моргнул перед тем, как осознал, что принцу хотелось ночи ровно в той же степени, что и мне.

– Да, мой принц, – ответил я шёпотом и вздохнул, чтобы вернуть лицу спокойствие и приветливость. Судя по подозрительному прищурю принца Чана, он расценил мой вздох

как-то неправильно. И я поспешил добавить: – Я, конечно же, выполню ваш приказ. Я тоже считаю, что вы сами можете выбрать себе наставника в любовном искусстве. Но этот евнух сейчас доложит обо всём старшему евнуху. Тот явится сюда с набором кисточек для каллиграфии, чтобы лично проследить за выполнением приказа. Если же вы изъявите нежелание, старший евнух разбудит мою госпожу. Моя госпожа придет сюда и... И нам, как ни прискорбно, всё же придется выполнить приказ... Если этот наблюдатель послушен. В противном случае он никуда не пошёл и сейчас уже подкрался обратно к двери. За дверью-то скрип пера не слышно.

– Намекаешь, что мне лучше подчиниться сейчас? – нахмурился принц Чан и отступил, сжав кулаки.

На мгновение показалось, что он меня ударит. Я отшатнулся и замотал головой:

– Ни в коем случае! Я предлагаю устроить небольшое представление. Кто бы ни пришёл под дверь, он не захочет прерывать вас и положится на свой опыт – сделает записи по звукам.

Я хлопнул ладонью по столу, вырвал из причёски самую тяжелую заколку, бросил её на пол и громко ахнул:

– Принц Чан, прошу! Я же не виноват!

Принц Чан поморщился, но кивнул, задул свечи и прокрался к кровати.

Мой стон из болезненного стал сначала изумлённым, а потом довольным:

– Что вы делаете? О-о-о... Мой принц! Нет-нет, дайте я!

Я, покачиваясь, прошелся по покоям, изображая шаги двух сплетенных в объятиях людей, и с размаху рухнул на ложе, – следивший за спектаклем принц чуть не шарахнулся к краю и разгневанно зашипел:

– Ты зачем сюда?!

– Вы же не собираетесь забирать мою ян на полу? – прошипел я в ответ и, устроившись поудобнее посреди шелков, на пробу качнулся. Бамбуковые рамы под ложем сдвинулись с громким звуком, перина прогнулась, скрипнули шелковые простыни. Радостный, что кровать попалась отзывчивая, я запрыгал на ней. Принц Чан тихо сидел на краю. Тьма скрывала его лицо, но что-то подсказывало мне – оно полыхало. Спустя чашку чая я устал прыгать и рухнул, тяжело отдуваясь.

– Сейчас... Дайте немного отдышусь, – пробормотал я так, чтобы меня услышали за дверью, и тихо прошептал: – Скажите, что оставляете меня на всю ночь.

– Это ещё зачем? – возмутился принц Чан. – Ты выполнил свою роль, уходи!

– Я полагал, вы поняли, когда приказывали уйти в кабинет до утра, – удивился я. – За дверью меня ждут слуги. Они сразу поймут, что ничего не было, ведь на мне нет следов. Наблюдатель не будет больше сидеть – достаточно одной записи.

Принц Чан помедлил, но крикнул:

– Эй, там, я оставляю его на всю ночь!

Воцарилась тишина, нарушаемая нашим дыханием. На мгновение мне показалось, что я зря старался, что там никого нет, но тут за дверью послышался шорох.

– Как прикажете, – сказали в ответ. Под удаляющимися шагами скрипнули половицы – и всё стихло.

Для верности я выждал ещё немного и с поклоном покинул царственное ложе, шёпотом пожелав приятных снов. Принц Чан был в настолько хорошем настроении, что пообещал всего лишь вырвать мне язык, если я кому-то проболтаюсь, и даже поделился покрывалом.

– Иди в кабинет. Там циновка справа от входа и подушки, – прошептал он.

– Благодарю за вашу доброту, мой принц, – отозвался я и прокрался к кабинету, нащупывая дорогу.

Меня никто не тронул, и опасения были напрасными – я остался цел и невредим. Но сердце всё равно колотилось, а в животе всё сжималось. Тело ощущалось странно лёгким, словно падало куда-то. Десять лет терпения и безупречной службы пошли псу под хвост. Да, я изворачивался и всеми силами пытался улучшить себе жизнь, но на обман не шёл никогда. От собственной наглости захватило дух. К горлу подступила паника. Лучший слуга никогда не должен обманывать, ведь дорога в Небеса навсегда закрывается!

Но остановиться и сделать всё правильно я просто не мог. Это было выше моих сил.

На полпути к кабинету меня озарило, что принца будут проверять, а я даже не оставил след своей энергии. Ведь для этого нам необязательно сливаться так, как это делают мужчина и женщина – достаточно моего сосредоточения и объятий. Долгих, на всю ночь, кожа к коже. Этого, конечно, было бы недостаточно для передачи жизненных сил. И мы нарушили бы главное правило – не спать с господами в одной постели. Но принц уже показал, что дворцовые правила для него скорее пожелания, а не свод законов. Мне же... Одна бессонная ночь в обнимку с юношей – крохотная цена за искупление.

– Мой принц? – не выдержал я, когда уже был на пороге кабинета.

– Что?

Я открыл рот и, собираясь с духом, зашёл издалека:

– Почему в вашем крыле нет кисточек? Что вы с ними сделали?

– А... Это... – сонно пробормотал принц. – Сделал из них дворец. Там, в дальнем углу стоит. А про перья прочитал в трактате об истории северных царств, давно уже... Оно неудобное: царапается, кляксы оставляет... Вот и пригодилось.

Я сглотнул бившееся в горле волнение и зачем-то растянул губы в улыбке. Зачем? Ведь в темноте принц не мог увидеть моего лица.

– Вы невероятно умны! – сказал я, как никогда ненавидя

своих наставников любовного искусства. Ведь это они вбили в меня манеры так, что не вытравить. – Не каждый в пятнадцать лет...

– Восемнадцать, вообще-то! – оскорблённо отозвалась темнота. – Мне восемнадцать исполнилось вот уже три дня как! Где ты был, когда его праздновал весь двор?

Я поймал поражённое восклицание на самом кончике языка. Принцу Чану шел девятнадцатый год! Но он выглядел не как юноша, а как ребёнок, только вступающий в пору взросления! В таком возрасте это было ненормально!

– Подождите. Но если вам восемнадцать, а вы до сих пор не... – медленно начал я, осознавая, что проблема с ян у принца всё-таки есть, а госпожа Сайна послала меня к нему не из простого желания поглумиться.

– Я сам знаю! – перебил меня принц Чан, в его голосе зазвенела ярость. – Я и без тебя всё знаю! Замолчи, а не то убью!

Приказ госпожи Сайны стал понятен и объясним, но при этом невыполним. Желания принца, разумеется, играли первостепенную роль. А я...

Я застыл как вкопанный. Все заготовленные слова рассыпались в прах.

След бы не остался, спи мы рядом хоть круглые сутки всю седмицу напролет – тонкий ручеёк силы просто развеется в страдающем от недостатка теле. Скрывать бесполезно – на службе госпожи были все лекари дворца. Они сразу же доне-

сут до госпожи, что мы даже не пытались, и тогда – никакой надежды на искупление, лишь вечный позор. Что ж...

Выкрутиться я мог лишь одним способом – нарваться так, чтобы принц меня выгнал. А дальше останется сыграть на его тёмной репутации и преподнести историю этой ночи так, чтобы госпожа ещё пожалела меня... Нет, не сработает. Наблюдатель уже сделал запись, что ночь прошла успешно. Впрочем, я мог бы сказать правду – что воочию за нами не следили. А дальше выдумать что-нибудь. Главное, выйти сейчас из покоев и дожить до другого шанса на искупление!

– И не смей пропускать мои вопросы! – тем временем бушевал принц Чан. – Как ты посмел пропустить праздник по случаю моего дня рождения?!

Я уже хотел оставить вопрос без ответа и тем самым подтолкнуть к наказанию, но в последний момент, когда молчание уже почти стало неприличным, меня охватило нечто старое, почти забытое, отчего спина сама собой выпрямилась, а губы сжались.

Неужели я и правда сдамся вот так просто? Наплюю на долг перед предками и соглашусь, что во мне не осталось ничего благородного? Соглашусь, что я не лучший слуга, а дрожащая тварь? Соглашусь, что должность господина Гармонии лишь прикрытие для мести госпожи, что моё место лишь в постели, а сам я ничего не стою? Соглашусь, что не в силах искупить вину рода хорошей службой?

– Так и будешь молчать? – в голосе принца послышалась

угроза.

– Ох, прошу прощения, – я ни капли не чувствовал сожаления, и мой тон получился излишне равнодушным. – Вся моя жизнь и помыслы сосредоточены лишь на госпоже Сайне. Я знаю лишь то, что говорит она. Никто другой не делится со мной подробностями из жизни дворца.

Возмущённое сопение прервалось.

– Понятно.

Послышался шорох, тихое сопение. И никаких других вопросов. Даже возмущения, что я посмел винить госпожу в своем невежестве. Видимо, в принце не так уж и много было участия к тем, кто вспомнил о нём, когда выбора не осталось.

Я прикрыл глаза и выдохнул. Я был обязан хотя бы попытаться.

– Мой принц, вы понимаете, что нас проверят?

– Угу, – буркнула темнота. – Выкручусь, не переживай.

– Энергия ян оставляет следы, – мягко продолжал я. – Она словно вода перетекает из сосуда в сосуд. А вам...

– Заткнись и спи! – грубо оборвал меня принц Чан. – Я с тобой не лягу!

– Но...

– У тебя совсем плохо с головой? Спать, я сказал!

Вот и как гармонизировать его энергии так, чтобы это устроило нас обоих?

Я крутился на циновке и вертелся, обкатывая мысль и так, и эдак, но увы, никакими закликательскими техниками мы

оба не владели. Других методов я не знал.

Наверное, усталость подточила мой рассудок, потому что в здравом уме я бы никогда не решился встать и сесть за стол в кабинете принца. Да ещё зажечь свечу!

Это была изысканная и просторная комната, отгороженная от остальных покоев тонкой бумажной стеной. Принц здесь и учился, и развлекался – об этом говорили свитки на полках и бесчисленные поделки из нитей и бус. В дальнем углу у закрытого окна стояла модель дворца, сделанная из кисточек. Вернее, из кисточек состояли только крыши. Принц Чан не поленился и каждую обмакнул в красную краску, разукрасив таким образом свою работу. Модель впечатляла размахом и тщательностью проработки. Видимо, принц Чан желал избавиться от наблюдателя всей душой.

Я не решился подойти к модели – посмотрел издалека и остановился у полок с книгами и свитками. Библиотека у принца Чана была гораздо богаче моей. Встречались даже старинные свитки, ветхие, желтоватые от времени.

Руки сами потянулись к древностям в надежде обнаружить что-то стоящее. Мне хватило бы и тени, чтобы что-то придумать...

Первый свиток оказался написан на северном наречии, и моих познаний хватило лишь на то, чтобы узнать письменность. Другой свиток поведал мне о тайнах влияния звёзд на характер человека, но быстро закончился. А вот третий – самый толстый и старый – был сборником легенд бенов.

Бены когда-то царствовали на землях империи, но после завоевания и объединения под рукой династии Хан растворились. В моей семье передавался бенский гребень из белого нефрита, и по преданиям мой род основал выходец из знатной семьи бенов. Имена в хрониках не сохранились, но дедушка говорил, что предок принадлежал не просто знатной семье, а правящей. Заинтересовавшись, я развернул свиток и узнал, как младший брат одного из царей бенов отдал всё ради благополучия государства и, уйдя из дворца, стал богом странников. Там не нашлось ничего полезного, но это было весьма занимательное чтение.

Когда свеча прогорела до половины, я вернул свитки на место и лёг на циновку. Перед мысленным взором всё ещё стоял принц, ставший богом. Неизвестный рассказчик представлял историю так, словно всё было сделано ради покоя государства и из любви к старшему брату, но я-то знал, что младший принц никогда бы не отдал царю всё, если бы не хотел вырваться из дворцовых стен на свободу, к бесконечным сплетениям дорог...

Легенда говорила, что он вознёсся на Небеса и стал известен под прозвищем Нищий принц. Он был покровителем странников. Наверное, сейчас ему уже не поклонялись, ведь бены исчезли как народ. Интересно, он бы подсказал мне что-нибудь, если бы я спросил? Наверное, нет, ведь я давно уже не путешествовал. Но если мой предок происходил из правящей семьи, то, наверное, состоял с этим богом в род-

стве. Любопытно, ответил бы Нищий принц, если бы во мне была толика его крови?

Случись это, я бы приказал слугам воздвигнуть ему храм на первом же лесном перекрестке. Но разве ничтожный раб и наложник способен докричаться до Небес? Пусть и ради наследника Сына Неба... Не стоило и думать об этом, а уж пытаться...

Я повернулся на другой бок и наконец-то скользнул в сладостный сон.

Мне снилось императорское ложе. Стоял солнечный день. Белые полупрозрачные ткани переливались на свету и колыхались от тёплого, наполненного душистым жасмином ветра. Ложе устилал белый шёлк, и смуглая, почти что золотая спина императора горела на ней.

Я не видел его лица — лишь кое-как собранные в пучок волосы. Ветер летел, играл с занавесями и бросал на золотую спину белые лепестки, и те, соприкоснувшись с кожей, вспыхивали яркими огоньками.

Император пошевелил лопатками, чуть приподнял голову. Что-то сказал, я не услышал, что именно, но понял, что он попросил погасить огоньки.

Моя рука скользнула по золотой спине. Некоторые огоньки гасли сразу, стоило только к ним прикоснуться. Другие требовалось ущипнуть. Третьи ушли под кожу, и, чтобы добраться до них, мне пришлось надавить и нащупать. Летел ветер и сладко пахло жасмином...

Я проснулся, а перед глазами всё ещё стояла золотая спина с горящими белыми точками.

Сердце замерло и заколотилось, словно бешеное. Этого... этого не могло быть! Это наверняка был просто сон! Просто мне приснилось то, о чём я думал! Совпадение, не больше!

Глупо, но я уставился в потолок так, словно оттуда должен был явиться некий знак, который подтвердил бы истинность видения. Разумеется, потолок ничего мне не показал.

Но я всё равно поднялся и пошёл в покои принца Чана так, словно драгоценная карта огоньков в моей голове могла погаснуть, а знание – расплескаться. Чан вскинулся, когда моя рука прикоснулась к его плечу:

– А? Что? Ты что тут делаешь?

– Мой принц, я придумал, как мне передать вам ян, – прошептал я. – Без... нежеланных касаний.

– О! – принц Чан сонно зевнул и нахмурился. – Ага. Что для этого нужно?

– Лишь мои руки и ваша спина. Вы согласны обнажить спину?

Глава 3

Точки и спины

– Вот ещё! – возмутился принц Чан. – Нет! Я не согласен! Всё, иди отсюда, или я позову стражу!

И он с гневным сопением завернулся в одеяло и продолжил спать, даже не попытавшись попробовать.

Рабу не следовало спорить с господами и настаивать на своём – это было чревато. Не казнью, нет, но отправляться в руки пыточных дел мастера мне не хотелось. Потому я тихо вернулся в кабинет и, найдя тушь, зарисовал карту на своей руке. Из-за тусклых предрассветных сумерек получилось плохо. Я лишь понадеялся, что эта запись напомнит мне истинное положение точек, когда доберусь до бумаги и кисти.

Сон исчез. Я рискнул в очередной раз и воспользовался водой для умывания, утерев лицо собственным рукавом. Остальное время скоротал за расчесыванием волос. В моем распоряжении был лишь маленький декоративный гребешок, и это дело растянулось на долгое время. Я сидел на циновке, а мой взгляд всё не отрывался от стола. Некая незначительная мелочь на нём не отпускала меня, цепляла глаз, но из-за того, что это была мелочь, разум так и не осознал её, как я ни старался. За окном медленно, будто бы нехотя разгорелся рассвет. Принц Чан проснулся лишь спустя две

палочки после восхода солнца.

– Ты что, ещё здесь? – раздался хриплый шёпот.

– Доброе утро! – поздоровался я и поднялся, чтобы поклониться.

Принц Чан повернулся на бок, протёр глаза, сонно зевнул и уставился на меня.

– Мне приснилось, или ты правда предлагал какой-то способ поделиться ян без лишних ухищрений? – уточнил он.

– Не приснилось, – кивнул я и потупился. – Я был настолько воодушевлён, что посмел разбудить вас. Простите.

– Подойди, – зарывшись поглубже в одеяло, велел принц. Я приблизился и, повиновавшись жесту, склонился ближе. Принц коротко размахнулся – и лицо обожгла пощёчина.

Что ж, слухи не соврали. Он и правда любил причинять боль.

– Благодарю за вразумление, мой принц.

Я покачнулся и склонился. Волосы с тихим шорохом упали, скрывая меня от мира.

Принц Чан усмехнулся – и новая пощёчина прилетела с другой стороны.

Впрочем, это оказалось не столько больно, сколько унижительно. Да и дело ограничилось лишь двумя пощёчинами. После принц остановился и спросил:

– За что – понял?

– Полагаю, за то, что нарушил ваш сон, – честно ответил я и вытерпел третью пощёчину. – Простите ничтожного ра-

ба за его скудоумие и сжальтесь. Скажите, за что вы меня наказали?

– Первая пощёчина была за то, что разбудил, это верно. Последняя – за скудоумие, это ты тоже правильно догадался. А вторая – за предложение, – спокойно объяснил принц Чан. После наказания его глаза блестели, а на лице появилась лёгкая улыбка. – Ты посмел предложить мне свою жизненную силу.

– Вас не устраивает моя жизненная сила? – удивился я. – Чем?

Принц потянулся, отогнал меня от своего ложа жестом и встал.

– Если все ели из одного котла, то это не значит, что я тоже буду. Какой бы вкусной еда ни была, я не ем чужие объедки, – пояснил он, плескаясь в тазу для умывания.

Слова врезались ледяной пикой под дых, провернулись.

– Однако же вы припадёте к источнику воды, если будете изнывать от жажды. Вам будет всё равно, сколько человек из него пили, – заметил я.

– Ты не источник воды. Ты наложник тетушки Сайны. Чужие объедки, – фыркнул принц Чан, утираясь полотенцем.

В груди ещё раз провернулась ледяная пика, но я усилием воли подавил это ощущение. Судя по блеску в глазах, принц Чан полагал, что он как-то меня задел. Наивный, избалованный ребёнок... Ему было невдомёк, что в моей жизни случилось так много всего ужасного, что любой другой на мо-

ём месте давным-давно бы сломался. Что мне слова с неприглядной правдой?

Но, разумеется, как господин Гармонии я был обязан порадовать наследника, и потому покорно склонился и еле слышно выговорил:

– Безусловно, вы правы. Я всего лишь наложник моей госпожи и... И моё положение – вовсе не моё решение.

Ничто не разъяряет господ сильнее сопротивления и равнодушия к боли. Я быстро усвоил эту нехитрую истину, поэтому всегда показывал, что мне плохо. Помогал и нехитрый трюк – распахнутые глаза. Стоило уставиться в одну точку и не моргать, как на глаза наворачивались слёзы. Как правило, при виде слёз желание продолжать у господ пропадало.

Сквозь занавесь волос я увидел удивлённое лицо принца Чана.

– Ты что, плачешь? – недоверчиво уточнил он, словно растерявшись.

Я выпрямился и сложил губы в улыбке, оставив взгляд пустым и равнодушным. Это всегда производило впечатление на тех, кто желал задеть меня, и они уходили с глубоким убеждением, что причинили мне невыносимую боль.

– Нет, мой принц. Вы сказали правду. Это не причина для слёз, – проронил я, опуская ресницы. Влага дрожала в уголках глаз.

Глупцы не знали, что настоящую боль причиняли не слова, а люди. Мои глаза на самом деле были сухими. Они давно

были сухими. Своё низвержение я уже оплакал. Оно лишь служило ширмой, прикрывая главную слабость – надежду на освобождение.

Оттачиваемая годами уловка не подвела. Вся ярость принца испарилась. Взгляд его стал непонятным, трудно-определимым.

– Так что ты там хотел предложить с передачей ян? – уже намного миролюбивей, как будто бы даже извиняясь, спросил он.

– Всего лишь предположение, – я выпрямился и засунул руки поглубже в рукава. – Не стоящее внимания и ничем не обоснованное.

– Ты что-то говорил про спину и свои руки, – вдруг упёрся принц Чан.

Я осторожно согласился, и надменный кивок, которым меня одарили в ответ, мне совершенно не понравился.

– Хорошо. Я пришлю к тебе моего телохранителя – обучи его, – велел принц Чан.

Меня на пару мгновений накрыла паника. Я был господином Гармонии! Поделиться искусством передачи жизненных сил, обучить другого, чтобы меня сместили с должности и низвергли до положения обычной постельной игрушки? Лучше сразу принять яд, не сходя с этого места!

Потом пришло отрезвление. Телохранитель – человек из хорошего рода, слуга, приближённое лицо, а не раб. И у него нет моих способностей. Его не будут использовать как гос-

подина Гармонии.

– Как прикажете. Но позволю себе заметить, что для искусства гармонизации в человеке должна быть искра таланта и большая жизненная сила. Воин не обучится за короткое время, – я пожал плечами. – Возможно, мой способ и не работает вовсе, ведь я придумал его лишь этой ночью и не проверял на других.

– Значит, сейчас проверишь, – спокойно ответил принц Чан. – Сейчас придёт постельничий. На нём и проверишь.

Я на миг отвернулся к окну. Нет, это понятно, что для наследного принца чужой наложник – вещь неприкасаемая, грязная и вообще фу, но это был уже перебор даже для моего терпения. Вот кого, а постельничих я обслуживать не намеревался!

– Мой принц, позвольте спросить, разве блюда с семейного стола Сына Неба отдают простым смертным? За что вы так жестоко со мной обходитесь?

Принц Чан смешался. Я заглянул ему в глаза с немой мольбой, всем своим видом показывая, что готов выполнить любой приказ, и замер в ожидании ответа.

– И правда. Ты же не мой наложник, а тетушки Сайны, – спохватился принц Чан, лицо у него стало напряженным.

Наконец он решился и, вздохнув, словно перед прыжком в ледяную воду, потянулся к рубахе.

– Ладно, так и быть. Всё равно тетушка будет проверять... И только посмей коснуться чего-то ещё!

Он исподлобья стрельнул взглядом, уселся на край постели и повернулся ко мне обнажённой спиной.

– Мой принц, – крайне озадаченный таким внезапным поворотом, я раскашлялся. – Прошу прощения... Не могли бы вы собрать волосы?

Мне вновь достался короткий испепеляющий взгляд. Принц засопел, но неохотно послушался и собрал волосы в пучок, закрепив его нефритовой шпилькой.

Мои первые прикосновения были неуверенными и робкими – я вспоминал явившуюся во сне карту. Принц сильно отличался от золотокожего императора. Чтобы понять, где у него расположены нужные точки, пришлось изрядно напрячь воображение. Впрочем, я начал с поглаживаний, и принц не заметил моей нерешительности. Когда я пробежался пальцами вдоль позвоночника, там, где в моём сне мерцали огоньки, то вдруг и правда нащупал точки! Они чуть выделялись – словно крохотные сплетения узелков под кожей. Как только я нащупал их и надавил, по жилам пронеслось знакомое тепло жизненных сил, закололо пальцы, а принц повёл лопатками и расслабился.

– О! – в его голосе послышалось удивление. – Ого!

– Вы что-то чувствуете? – я поднимался к шее неторопливыми проминающими движениями.

Этот способ был гораздо труднее, чем привычные методы. От меня потребовалось всё моё сосредоточение, усилие всего разума, чтобы направить энергию в чужое тело. Но всё же

это помогло! Способ оказался рабочим!

– Да. Тепло... Похоже, твой метод и правда работает... – пробормотал принц Чан. Плечи у него опустились, из груди вырвался довольный вздох, когда мои пальцы размяли шею.

– Мне прекратить? Позовёте вашего телохранителя?

– М-м... Он так никогда не сможет, ты прав. У него для этого слишком грубые руки. И на развитие таланта уйдёт несколько лет, если он вообще есть, – с сожалением заключил принц Чан и улёгся животом на подушку. – Продолжай.

Он позволил промять все точки, которые явились мне во сне. А когда я закончил и накрыл его одеялом, он повернулся и окинул меня странным взглядом, словно только сейчас рассмотрел:

– Что ж, я нашёл этот способ приемлемым. Иди, этим вечером придёшь ещё... самый лучший налогоплательщик...

Я, сдержав довольную улыбку, поклонился и пошёл к себе. Проходя мимо кабинета, я не удержался и вновь заглянул внутрь, силясь понять, что же не давало мне покоя. Вчера аккуратная стопка свитков мешала рассмотреть стол с циновки. Сейчас же мне стало видно всё целиком, и я понял, что на полках не лежало никаких древних свитков – ни один не отдавал желтизной и не выглядел ветхим. На столе виднелся набор для каллиграфии, которого не было вчера. И свеча стояла совсем не там, где я оставил её ночью.

Свеча. Целая, высокая, с едва тронутым фитилём. Совсем не тот огарок, который остался после моего полуночного ви-

зита. Словно я не сидел за столом принца и не читал ничего. Исчезнувшие свитки, появившийся набор для каллиграфии, свеча... Это означало, что на самом деле не было никакого свитка с легендами бенов и никакого забытого бога, а был лишь сон. Поразительно, что я умудрился передать ян, видимо, я так желал найти выход, что разум вытащил из глубин памяти всё, что только успел впитать от учителей, и придумал такое оригинальное решение.

Что ж, я всегда мог рассчитывать лишь на себя.

Нохой и слуги уже ожидали меня в покоях. Стоило мне показаться, как евнух подскочил и поклонился:

– Господин Гармонии Октай!

Его голос звенел, а в глазах остальных слуг читалась плохо скрываемая радость. Даже у Юна, жалость которого всегда мешалась с долей презрения. Тут же появился завтрак, а бочку в купальне наполнила горячая вода. Слуги ещё никогда не обращались со мной так учтиво. Когда Нохой спросил, стоит ли пригласить лекаря, я покачал головой.

– Не нужно, Нохой. Принц Чан был достаточно бережен. Как оказалось, – я не удержал вздоха, – он не вымещает злость на невиновных. Разозлить его несложно, но он соизмеряет наказание со степенью вины. Видимо, та убитая наложница серьёзно оскорбила его.

– Мои глаза меня не обманывают? Вы сожалеете, что принц Чан был бережен, господин? – растерялся Нохой.

– Сожалею... – эхом повторил я и обнял ладонью чашу с

отваром ромашки. Сладковатый аромат успокаивал. – Нет. Вовсе нет.

Юн, подавший напиток, с едва уловимой брезгливостью покосился на меня.

– Скорее удивлён, – я сделал глоток и провёл рукой по лицу. Пальцы предательски дрогнули. – Я ведь... Неважно.

Слуги переглянулись, на лицах читалось недоумение. Они, рождённые простыми людьми, купленные и увидевшие во дворце лучшую жизнь, испытывали жалость, видя, как обращается со мной госпожа Сайна. Они думали, что её наказания расстраивают меня, что я стремлюсь стать лучше, угодить ей. Что-то большее было недоступно их пониманию. Им никогда бы не пришло в голову, что я нарушил её приказ. Ведь то, что я в итоге сделал – нарушение. Госпожа Сайна явно не предполагала передачи жизненных сил другими, неизвестными ей способами. Разве хорошие слуги так поступают?

«Поступают, – тихо прошептал внутренний голос. – Когда знают лучшие пути для исполнения хозяйского приказа».

Нохой опустил позади и, разобрав мои волосы на пряди, заплёл косу.

– Вы устали, господин Гармонии, вам просто нужен отдых. Купальня готова. Горячая вода очистит тело и успокоит душу. Я принесу вам сладостей, а потом вы отдохнёте, вечером, если позволите...

– Сегодня вечером принц Чан пожелал меня видеть у себя.

Нохой на мгновение замешкался. Мне следовало бы уделить этому больше внимания, но я и правда чувствовал себя слишком уставшим. Я даже умудрился уснуть прямо в бочке и проспал до тех пор, пока вода не остыла. Как оказалось, это была непростительная ошибка.

Стоило лишь выйти из купальни и переодеться, как примчался слуга из императорского дворца:

– Господин Гармонии, госпожа Сайна и император Алтан желают, чтобы вы присоединились к их обеду в Цветочной беседке!

Это звучало необычно. После ночей госпожа всегда давала мне отлежаться и прийти в себя, как бы ни относилась. Сначала я заподозрил, что наш с принцем обман вскрылся, но затем отбросил эту мысль. Принц выгнал наблюдателя, лично пообещал вырвать мне язык, если я кому-то проболтаюсь, а сам он ни за что бы не признался. От следующей мысли в груди затрепетала робкая радость. Ведь приказ был последним, и я всё же сумел исполнить его. А это значит...

Но вслух я высказал лишь своё недоумение:

– С чего вдруг такая внезапность?

Нохой потупился:

– Простите. Я доложил госпоже, что наследный принц желает видеть вас повторно. Но это же неправильно! Ваша ян сейчас истощена. Вам нужно восстановиться. Поговорите с госпожой, пусть она отведёт вам другое время!

Поражённый такой заботой в самое сердце, я не нашёл

слов и лишь покачал головой:

– Ох, Нохой... Добросердечие тебя погубит. Подай зелёный наряд.

Когда я вошёл в беседку, то за столом, помимо императора Алтана и госпожи Сайны, увидел принца Чана. Тот сидел насупленный и мрачный.

– Октай, милый мой цветок! – ласково обратилась ко мне госпожа Сайна. – Объясни, отчего принц Чан получил намного меньше ян, чем должен был?

Я резко выдохнул, стараясь не измениться в лице. Да, это был ожидаемый вопрос, и ответ был заготовлен.

– Но получил же! – принц Чан вскинул голову, яростно взглянув на госпожу.

– Помолчи, сын, – проронил император Алтан.

С нашей последней встречи он сильно постарел. Лицо покрылось морщинами, в опущенных уголках губ наметились складки – отпечаток пережитой утраты, – в волосах блестела седина. Он был бледен, неподвижен и казался искусно сделанной куклой. Лишь в глазах, обращённых к принцу, горел огонёк гнева.

Чан возразил:

– Я не буду молчать! В первую очередь это моё дело!

Император опустил ладонь на стол. Тлеющие угольки гнева в глазах вспыхнули ярким пламенем. Золотые хучжи, закрывающие отросшие ногти, громко звякнули. На миг горестные складки разгладились, и вместо потерявшего сыно-

вей отца я вновь увидел мужчину, преисполненного власти и сдержанной силы.

– Твоё тело, твоя душа и твои поступки – это в первую очередь дело империи, – чеканя каждое слово, пророкотал император. И его ярость по-прежнему выглядела устрашающей. – Каждый твой вздох принадлежит народу. Твоё благо – это благо всей империи! И ты смеешь увиливать от лечения, невоспитанный наглец?

Они были похожи до такой степени, что даже смотрели друг на друга с одинаковым бешенством. Щёки их наливались схожим багрянцем. И госпожа Сайна сомневалась в их родстве?

– Я не увиливаю! – принц Чан бросил палочки в тарелку. – И тут император ты! Ты отвечаешь за наш народ! Ты отвечаешь за каждую жизнь и смерть! И то, что я сижу тут такой – это всё из-за твоих решений!

По лицу императора скользнула судорога боли. Он угас, даже чуть сгорбился и взглянул на сына с таким отвращением, что стало ясно – будь у него ещё хотя бы один сын, принц Чан никогда бы не переступил порог дворца.

– Замолчи. Немедленно, – бросил император и прикрыл глаза, словно отрешившись от всего.

И принц Чан, поняв, что подошёл к запретной черте, замолчал. Госпожа Сайна, не обращая на ссору внимания, не отводила испытующего взгляда от меня.

– Так что же ты молчишь, Октай? Отвечай, – ласково под-

толкнула она меня.

Я выдохнул, выпрямился, спрятал пальцы в рукава и устремил взгляд на госпожу. Она сидела по правую руку от принца Чана, и мне было легко смотреть на него краем глаза, но, к сожалению, по его виду я не мог понять, что он рассказывал, а что нет.

Правда. Следовало говорить правду и ничего, кроме правды.

– Вы спросили, почему наследный принц получил намного меньше ян, чем должен был, – начал я. Принц Чан напряжённо следил за мной. – На этот вопрос у меня нет ответа, моя госпожа. Я сделал всё, что было в моих силах. Возможно, дело в его болезни?

Госпожа Сайна улыбнулась так, что, несмотря на жаркий день, мне стало холодно.

– Вот как? – пропела она. – Значит, ты сделал всё возможное?

– Я отдал всё, что у меня было. Моя жизненная сила в его теле, как вы могли убедиться. Много это было или мало? Госпожа, вы же знаете, что я не заклинатель и не целитель. Моя сила не безгранична, – ответил я, подпустив сожалеющих ноток в голос.

Госпожа Сайна покачала головой и обернулась к принцу Чану.

– Поёт, словно соловей! Ни слова лжи. Учись, племянник. Вот так нужно врать, говоря одну лишь правду. Твои же по-

туги и рядом не стоят.

– Я не врал! – вскинулся принц Чан. – Он исполнил свой долг так, как я того пожелал!

Он резко захлопнул рот. Его глаза так округлились, что даже несведущему глупцу всё стало бы ясно. Мои внутренности словно схватили в кулак, однако я всё ещё не терял присутствия духа:

– Я выполнил приказ, госпожа. Даже несмотря на то, что принц Чан не пожелал иного способа, я исполнил свой долг.

– Октай-Октай, – госпожа Сайна покачала головой и цокнула языком. В её густо подведённых глазах разгорелся огонек предвкушения, и у меня похолодело в животе. Этот огонёк никогда не означал ничего хорошего. – Ты же господин Гармонии. Ты был обязан найти такие слова, которые убедили бы принца Чана. Ты провинился, Октай.

– Прошу прощения, госпожа, однако я не понимаю, в чём я провинился, – я поклонился и опустил глаза. – Я всего лишь пытался угодить. И я исполнил ваш приказ.

– Да, он всё сделал так, как я сам хотел! Он мне угодил! – вмешался принц Чан, но госпожа Сайна его не слушала.

– О, милый мой принц, поверьте, он прекрасно знает, как нужно угождать. Если бы он пожелал, то вы бы перед ним не устояли. В этом поручении он в первую очередь угождал себе.

Её глаза масляно заблестели, дыхание участилось, нарисованный бантик рта раскрылся и страстно выдохнул:

– Ты наказан, Октай. Десять плетей.

– Я запрещаю! – воскликнул принц Чан, хлопнув ладонью по столу.

– Ты не имеешь права запрещать старшей женщине нашей семьи наказывать её собственного раба, – напомнил император безразличным тоном и открыл глаза. Взгляд у него был пустым и незрячим. – Октай получит десять плетей. А ты, сын мой, будешь смотреть. Тебе стоит понять, почему нужно беспрекословно следовать нашей воле.

И он вновь закрыл глаза, погружаясь в себя.

Сайна расцвела:

– Стража, позовите сюда палача!

Принц побледнел.

– Что, прямо здесь? – прошептал он. – Во время обеда?

– Вместо обеда! – заявила госпожа.

Я стоял, сложив руки на животе и сохраняя лёгкую улыбку на лице. Целых десять плетей... Нет, всего лишь десять плетей. Я и не думал оправдываться и что-то говорить в свою защиту – это лишь усугубило бы наказание, и плетей стало бы пятнадцать.

Наверное, я ещё не всё понимал, поэтому и проговорил:

– Госпожа, позвольте вопрос. Вы говорили, что если я выполню этот приказ и приведу энергии в равновесие...

Госпожа Сайна отмахнулась, даже не дослушав.

– Ты сжульничал. О чём говорить? Или... – она подняла накрашенные брови и звонко рассмеялась, прикрыв рот

веером. – Ты что, правда подумал, что я тебя прощу? Ну и глупец же ты, Октай! Тебе всей жизни не хватит, чтобы очистить имя!

Где-то далеко запели птицы – пронзительно и печально.

Моя голова была лёгкой и пустой. Я весь был пустым. Осталась лишь оболочка и улыбка, бессмысленная, как вся моя жизнь.

Появился палач, поднялся в беседку и, выслушав госпожу, коротким кивком то ли поздоровался со мной, то ли велел подготовиться. Я вышел из беседки, повернувшись к императорской семье спиной, опустился на колени и спустил одежду до пояса.

– Считай, принц, – велела госпожа.

– Вы же его убьёте! – закричал принц.

– О, Октай крепче, чем кажется, – прозвенел довольный голос госпожи. – Тархан, начинай.

Свистнула плеть – и я отрешился от всего. Этот человек на коленях был не мной. Не моя спина содрогалась от обжигающих ударов плети, и не мои руки царапали шершавые камни мозаичной дорожки. Не из моей груди рвались предательские всхлипы, и не по моему лицу текли слезы. Это происходило не со мной. Я был далеко за пределами дворца, в лесу, слушал щебет птиц и любовался бескрайней небесной синевой...

– Десять, – процедил принц Чан сквозь зубы, и последний удар вернул меня в сад.

Позволили отдышаться. Позвали Бая. Тот поправил на мне одежду и помог встать. Перед глазамиплыли цветные пятна, солнце невыносимо жгло веки, ноги подгибались. Я стоял лишь из-за того, что Бай подхватил меня под руку и держал изо всех сил.

– Ты всё понял, мой принц?

Голос госпожи Сайны отдавался в ушах гудением, я с трудом различал слова.

– Я всё понял, – с отвращением произнёс принц Чан. – Я принц. Я не имею права пренебрегать собой. На мне держится будущее империи. Если вы так желаете, чтобы я воспользовался услугами господина Гармонии, я воспользуюсь. Но как принц я не буду пользоваться чужими вещами. Господин Гармонии станет лишь моим и ничьим больше! Вы согласны, отец?

Улыбка у госпожи застыла.

– Нет, я его не отдам.

– Согласен, – равнодушно бросил император. – Забирай. Господин Гармонии отныне твой.

Сквозь пелену и головокружение пробилося лицо госпожи. О, если бы злость могла сжигать, император и принц уже превратились бы в две кучки пепла!

– Алтан, мой властительный племянник, ты, кажется, забыл, кто такой Октай!

– Я ничего не забыл, – император пошевелился, повернул голову к госпоже. – Наследник должен быть исцелён как

можно скорее, чтобы быть со мной на празднике начала посевов. Это важнее всего, тетушка. Пусть забирает.

Подумав немного, он добавил:

– Но если господин Гармонии не справится с задачей, то вернётся к госпоже.

– А если справится, то навсегда станет моим! – быстро добавил принц Чан. – Если вы так желаете оставить его себе, госпожа Сайна, то всегда можете вызвать целителей. Кажется, Долина Горечавки славится искусными заклинателями, которым в исцелении нет равных? Ой! – спохватился он, в голосе зазвучала издёвка. – Я совсем забыл! Императорская семья в ссоре с заклинателями, да? Мы же казнили клан Поднебесного Эха, да? Тот, с пика Тринадцати Ветров, который оболгали, не так ли? А мы до сих пор не извинились перед Советом Бессмертных Старейшин за ошибку! Что ж, очевидно, госпожа, у вас не получится вызвать для меня целителя. Ведь все заклинатели мира отказались входить в императорский двор, пока наша семья не принесёт извинений. Получается, Октай останется у меня в услужении. Пожалуй, это к лучшему. Я, по крайней мере, не наказываю без причины.

Император что-то ответил. Я не услышал. Я рассмеялся.

Причины... Юный наивный принц ещё не знал – нет ничего проще, чем найти причину, чтобы наказать раба. Он ещё не знал, что сам точно такой же, как его отец и тётушка. Ничего не изменится, когда он станет моим хозяином. Ведь я

чужие объедки, сын предателя. Мной можно дразнить, как отобранной игрушкой, лишь бы получить своё. И никакая служба этого не изменит, стань я хоть наилучшим слугой, хоть вывернись наизнанку. А ведь император на это и рассчитывает – что я не пожелаю возвращаться к Сайне и буду из кожи вон лезть, лишь бы исцелить единственного наследника и остаться подле него.

Ведь госпожа Сайна далеко не вечна. Ей уже пятьдесят лет. Она больная женщина, которая цепляется за меня как за последнее средство, потому что ничто другое ей не помогает. Однажды она умрёт, как умрёт и император Алтан. Тогда принц Чан примет силу Сына Неба и будет решать, кому и кем быть. И только он решит, достоин ли мой род прощения.

Но принцу, похоже, просто очень захотелось насолить нелюбимой родственнице. Его-то госпожа не убьёт. А вот меня – запросто, просто потому что передарили принцу. Ещё замену подберут, и пойдет очередная чудесная традиция для провинившихся родов. Наверняка предатели будут мечтать об этой должности. А что? Источник жизненных сил – очень почётно!

От моего смеха на мгновение наступила тишина.

– Уведите его, – велела госпожа Сайна. – И пригласите к нему лекаря. Принц Чан, почему вы решили, что тот жалкий клан был оболган?

– О, право, не помню, – лениво ответил принц. – Кажется, в библиотеке Старого Дворца были какие-то бумажки... А

может быть, мне это привиделось во сне? Да и зачем это вам? Пристало ли женщине ворошить дела столетней давности?

– Щенок! – вскипела госпожа.

Бай послушно увёл меня из сада. Звуки ругани летели нам в спины до самого выхода, а потом я дошёл до стражи и позволил коленям подогнуться.

– Бай, прости, я, кажется, сейчас упаду...

Слуга коротко выругался, подхватил меня на руки, и от прикосновения к избитой спине я взвыл и зажмурился. Из глаз брызнули слёзы.

– Простите! – перепугался Бай. – Потерпите, господин, сейчас...

В ту же секунду раздался невозмутимый голос:

– Не так держишь.

– Что? – растерялся Бай.

Я разлепил веки, узнал в коричневом вытянутом пятне императорского палача, вспомнил, что Бай ещё никогда не имел дела с ним, и мне вновь стало смешно.

– Держишь. Не так, – повторил палач. Его непробиваемому спокойствию могли позавидовать даже горы. – Положи на плечо. Головой вниз. Не трогай спину. Держи за колени.

Как в этом немногословном человеке сочетались безжалостность истинного мастера пыток с заботой и неравнодушием лекаря? Наши встречи каждый раз заканчивались так: он спокойно, твёрдой рукой наносил мне раны, а затем так же спокойно давал советы, как их лучше лечить. Поразитель-

ный человек.

– Э-э-э...

Совет от палача, который только что безжалостно исполнил мне спину до крови, выбил Бая из колеи настолько, что он застыл, словно настигнутый змеей суслик. Я почувствовал, как к рукам моего слуги присоединяются другие, такие же узнаваемые, как руки моей госпожи. Палач взвалил меня на плечо Бая и молча пошёл по своим делам.

– О-о... – простонал Бай ему вслед то ли восхищенно, то ли изумлённо.

Я всхлипнул, не сдержав смешка. Слуга опомнился и бросился к моему двору. Спустя четверть палочки меня устроили на постели и под причитания Нохоя сняли одежду – та присохла к ранам и её отмочили тёплой водой. А потом пришёл лекарь, положил на спину что-то холодное, пахнущее ромашкой, и от новой вспышки боли измученное сознание накрыл короткий, но ослепительный миг то ли прозрения, то ли решения.

Так жить больше нельзя!

А затем меня приняла в объятия милосердная тьма – и боль закончилась.

Глава 4

Заклинатель

Так жить нельзя. Так жить нельзя. Так. Жить. Нельзя.

Эта мысль поселилась в моей голове и грызла разум не хуже древоточца. Все дни, посвящённые лечению и проведённые в постели, я не мог сосредоточиться ни на чём другом. Все увлечения и занятия, которые до сих пор скрашивали моё существование, стали бессмысленными и пресными. Еда потеряла всякий вкус. Стены покоев давили. А по ночам мне снились пожары: в жарком огне сгорал сначала мой родной дом, затем дворец и, наконец, весь мир.

Забавно. А ведь я полагал, что всё бунтарство и гордость из меня давным-давно выбили. Видели бы меня наставники гарема... Нет, они бы не поняли. Я повзрослел, стал хитрее и научился скрывать как отвращение, так и жажду свободы.

Почему эта тоска стала совсем невыносимой? Почему я уже не мог с ней бороться? Невзирая ни на какие усилия, жажда заливала мою душу, словно разгулявшаяся по весне река, наполняла меня чёрными мутными водами, пахла тиной и была мелкой галькой. Я утопал в ней и совсем не хотел выплывать, хотя в этой чёрной бездне явно зарождалось нечто ужасное... А может, я сам становился бездной?

Я даже не пытался снова уговорить себя, что Небо прини-

мает лучших слуг и я стану любимцем богов. Хотя совсем недавно эта мысль удерживала меня на плаву. Жить в бесконечном блаженстве, не ведая ни болезней, ни отвращения, быть источником вечного наслаждения святейших и дарить счастье...

Одним словом, наложник здесь – наложник и на Небе. Ведь это справедливо по меркам богов – позволить выполнять на Небе ту работу, в которой слуга был лучшим при жизни, убрав все недостатки работы и взамен даровав радость. Каким же я был тугодумом, что осознал суть обещанного блаженства спустя целых десять лет рабства. И то лишь после очередной порки, когда понял, что надежды на лучшее будущее нет и никогда не будет. Поэтому...

Поэтому – к демонам такую справедливость? К демонам Небо? Лучше быть свободным от всяческих оков демоном, чем прозябать на Небесах вечным наложником?

А как же десять поколений моих предков? Пусть мне уже не до Небес, но мой род опозорен. Каково им будет в потустороннем мире, если я прекращу попытки?

Но так жить больше нельзя...

После недолгих раздумий я решил: раз мне не испкупить вину на должности господина Гармонии, нужно сделать это иначе. Так, чтобы придаться было просто невозможно. Как? Смыть позор собственной кровью, с оружием в руках, как все провинившиеся. На празднике начала посевов. Если я мог очистить имя, то только там.

Праздник начала посевов отмечали с размахом. Это было сложное время для императора и его семьи. Особенно сложным считался объезд всех провинций, чтобы передать земле благословение Неба – без этого людей империи давно бы сожрала нечисть, в полях нельзя было бы работать и пасти стада. Императора всегда сопровождала многочисленная охрана, ведь путь был полон опасностей. Где опасность для Сына Неба, там и героический поступок. Где героический поступок, там и прощение. В охрану всегда старались попасть те, кто желал искупления.

Госпожа Сайна никогда не ездила с императором Алтаном, потому об этом празднике я даже не мечтал. Но случился принц Чан, который в этом году наверняка поедет со своим стареющим отцом, чтобы подхватить ношу, если тот потеряет силы. Справившись с задачей, я смог бы поехать в свите принца и, заслонив собой от опасности, очистить род.

Когда я понял это, то долго хохотал. Император – старый прожжённый интриган! Он прекрасно знал, что делает, когда отдавал меня сыну!

Стоит сказать, принц Чан был далеко не глуп. Первым делом он сменил всех моих слуг и приставил тех, кто приехал из Старого Дворца. Мне с трудом удалось оставить Нохоя. Следующим приказом меня обязали посещать покои наследника каждую ночь. Как принц уговорил наблюдателя, какими деньгами подкупил, осталось загадкой. Однако евнух не обращал на нас никакого внимания и самозабвенно писал в

тетради. А я оттачивал на царственной спине искусство гармонизации через пальцы. С каждым днём у меня получалось всё лучше, а принц крепчал. Спустя неделю все его одежды стали жать ему в плечах, что обрадовало нас. И не обрадовало госпожу Сайну.

О, конечно, я боялся госпожи и везде ходил с оглядкой. Мне всё казалось, что она непременно что-то сделает. Что ж... Она сделала. Но совсем не то, что я ожидал.

Тот вечер начался обыденно. К моменту моего появления принц уже лежал на подушках с обнажённой спиной, а наблюдатель сидел за ширмой и с вдохновлённым видом водил кисточкой по бумаге. Я подвязал рукава, чтобы не мешались, и, разогрев ладони, уже привычными движениями принялся за волшебные точки. Пальцы закололо, и по жилам заструилась живительная сила, перетекая из меня в другое тело. От удовольствия принц сладко вздохнул.

– Ох, как хорошо! Промни ещё плечи – я весь день сидел...

Я послушался – и каменные, напряженные мышцы под моими пальцами постепенно расслабились. Принц удовлетворённо потянулся и, сложив руки под подбородком, вдруг сказал:

– Завтра прибудет целитель Долины Горечавки. В его честь будет большой приём.

От неожиданности я чуть не поцарапал царственное тело и отдёргнул руки.

– Но ведь... Вы, кажется, упоминали какую-то ссору? – припомнил я.

– Да. Сто лет назад по приказу императорской семьи был убит клан пика Тринадцати Ветров. Совет Бессмертных не посчитал заклинателей виновными и отказал нам в услугах заклинателей, – принц потянулся. – Продолжай, не останавливайся!

– Я ничего об этом не слышал, – осторожно сказал я, вновь надавив на точки.

– И не должен был. Подобные события – внутреннее дело императорской семьи. Для всех остальных никакой разговора не было.

– Но тогда почему заклинатель согласился лечить вас?

– Очевидно, госпожа Сайна уговорила императора принести извинения Совету Бессмертных, – принц небрежно дёрнул плечом. – На самом деле, давно пора сделать это. Да, наша семья – сила Небес, живые боги на земле. Но мы храним народ лишь от того зла, что имеет живую или мёртвую душу. Заклинателям как силе Природы подвластны бездушные твари, стихии и болезни. Мы – дополнение друг друга и должны жить в мире, ведь мы делаем одно дело.

Принц Чан помолчал и вздохнул:

– Может, если бы вместе с братьями в тот день был хотя бы один заклинатель, они выжили бы... Наверное, император тоже подумал об этом.

В горле стало сухо. Руки задрожали. Я слушал принца по-

чти с ужасом, и в бронзовом кувшине у изголовья постели отражалось моё застывшее лицо.

Лечение было не закончено! Принц только начал расти! Да, у меня получалось, но где мои жалкие потуги, а где методы тысячелетней школы?

– Вы, должно быть, рады. Вами наконец-то займётся целитель, – с трудом выдохнул я.

Сердце колотилось, словно перепуганная птица о прутья клетки. Если я не смогу довести лечение до конца, то вернусь к госпоже Сайне, не попаду в сопровождение на праздник посевов, не смогу смыть позор...

Принц повернул голову. Профиль у него был выразительным, как у всякого благородного человека.

– Боишься, что верну госпоже Сайне?

Я покосился на ширму, за которой прятался наблюдатель. Евнух, конечно, был предан принцу... Но какому слуге не хочется выслужиться и получить чуть больше, чем обычно?

– Я бесконечно почитаю госпожу. Но вас, конечно, я почитаю больше, ведь вы наследник и будущее нашей Поднебесной.

Губы принца Чана искривила усмешка. Он вновь отвернулся:

– Да, я рад, что мной займётся мастер своего дела. Не думай, ты весьма искусен! Я даже помыслить не мог, что жизненную силу можно передавать так. Но между мастером тысячелетней школы и самоучкой, каким бы он ни был гени-

альным, я выберу мастера.

И, дождавшись, когда моё лицо затопит бледность, принц добавил:

– Впрочем, если вы будете лечить меня вдвоём, я не буду возражать.

Сжавшая внутренности рука немного разжалась. Я с трудом удержался от того, чтобы не облизнуть пересохшие губы, прикрыл глаза и поклонился.

– Благодарю за милость. Значит ли это, что я могу рассчитывать на своё место за праздничным столом?

– Ты? На приёме в честь заклинателя? Вместе со всеми лекарями? – развеселился принц.

Он перевернулся на спину и окинул меня взглядом, от которого я почувствовал себя куском протухшего мяса.

– Ха! Почему нет? Ты же как-никак сделал то, что не удалось всем этим напыщенным старикам. Пожалуй, это будет забавно, – рассмеялся принц. – Знаешь что? А позли их как следует! Ты же можешь сделать это так, чтобы тебя нельзя было наказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.